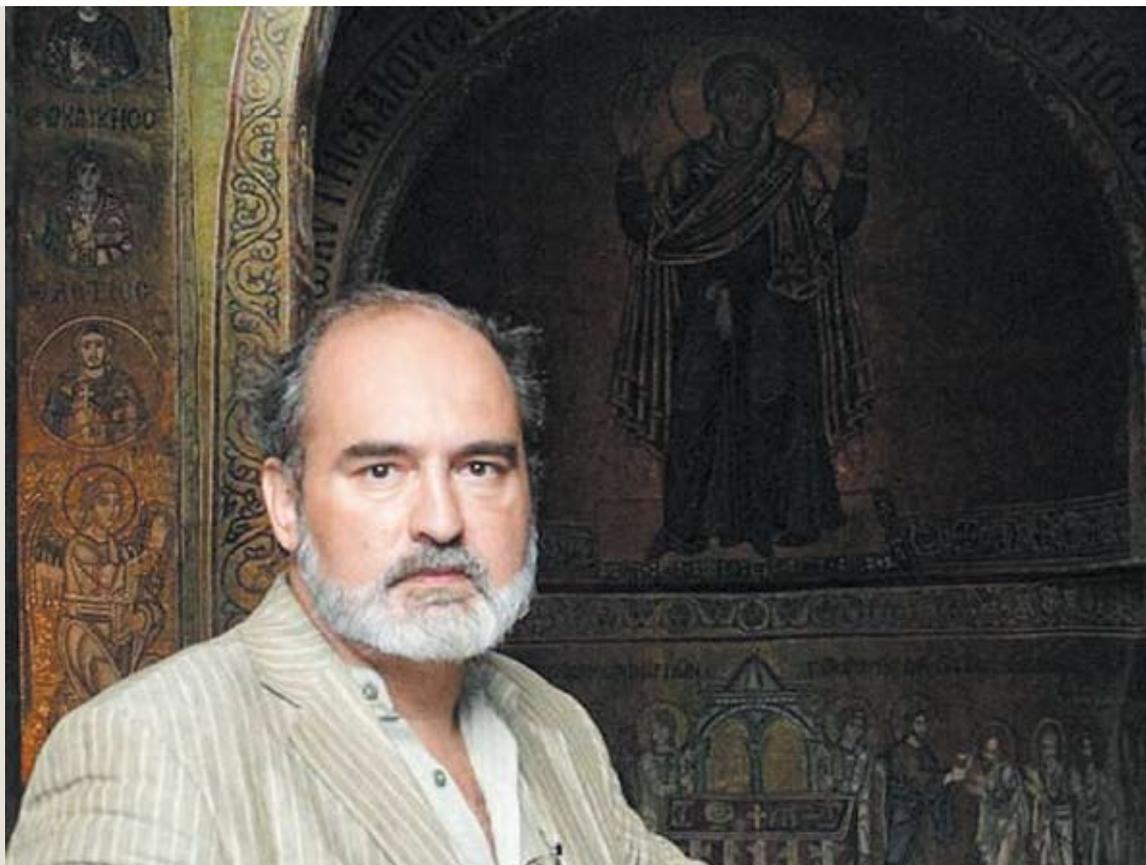

Апология Византии

Фото <http://static.rareearth.ru/set1/2015340000.jpeg>

Беседа с А.М.ЛИДОВЫМ,
академиком Российской
академии художеств,
директором Научного центра
восточнохристианской культуры,
заведующим отделом культуры
древности Института
мировой культуры
МГУ им. Ломоносова.

— Алексей Михайлович, мне бы хотелось начать наш разговор с одного моего впечатления. Не так давно я присутствовал на вашей публичной лекции, которая была посвящена Византии, её истории и культуре. Я, конечно, ожидал, что узнаю много нового, не был для меня неожиданностью и ваш талант лектора. Но некоторые моменты в вашей лекции меня удивили: прежде всего, я был впечатлён той заострённостью проблем, поставленных вами и связанных с изучением Византии как единого и неразрывного культурного пространства, а также с тем, как воспринимал западноевропейский мир византийское наследие. Согласитесь, что изучение Византии — это вполне академическая проблема. Но в вашем восприятии она имеет актуальные публицистические и современные акценты. Я хотел бы узнать, чем вызвана острота ваших акцентов?

— Если в самом общем виде сформулировать суть того, о чём я постоянно говорю в своих публичных выступлениях и что пытаюсь донести до аудитории, то это — «Лик и маски Византии». На мой взгляд, Византия в том виде, как она присутствует в современном общественном сознании, представляется своего рода полем битвы ложных мифов, или, как я их называю, «масок». Причём одна маска представляет собой отталкивающую гримасу, другая, наоборот, выглядит сусально-красивой. Проблема в том, что ни та, ни другая маска, по сути, к подлинной Византии отношения не имеют и не добавляют ничего к пониманию основ нашей культуры.

— А что, по вашему мнению, стоит за этими масками-мифами? Какое содержание они демонстрируют, точнее сказать, скрывают?

— Первая маска — негативная маска-гримаса — досталась нам в наследство от французских просветителей XVIII столетия. Это сформулированный в Западной Европе антивизантийский миф. Возникновение и распространение этого мифа можно проследить начиная с XIII века, когда Западу понадобилось оправдать безобразия Четвёртого крестового похода и разорение Константинополя в 1204 году. Крестоносцы и их покровители оправдывались тем, что они разорили не великий христианский город, центр православной Империи, а какую-то полу-восточную деспотию, населённую еретиками, которым и досталось по заслугам. Окончательно этот взгляд оформляется в XVIII веке, и активнейшее участие в его формировании принимают власти умов того времени — Вольтер и Монтескье. Вольтер характеризует Византию как «ужасное и отвратительное» государство и не признаёт за византийской традицией и цивилизацией вообще никаких достоинств. Монтескье рассуждает в том же ключе, и главный его тезис состоит в том, что в византийской культуре не было ничего, кроме «тупого поклонения иконам». Понятно, что сама Византия и её реальная история этих философов не особенно интересовала. Однако нужно заметить, что при этом они достаточно много про неё знали, потому что в XVII–XVIII веках во Франции византийская тема была достаточно популярна.

Вольтер характеризует Византию как «ужасное и отвратительное» государство и не признаёт за византийской традицией и цивилизацией вообще никаких достоинств. Монтескье рассуждает в том же ключе...

— Тогда французские учёные-монахи начали издавать первоисточники.

— Да, там в 1680 году вышел знаменитый труд историка и лингвиста Шарля Дюканжа «История Византии с поясняющими комментариями», который не потерял своего значения до настоящего времени. Было предпринято издание византийских источников, а известные нам с детства из романов Дюма персонажи — Людовик XIII, Мазарини, Кольбер — коллекционировали греческие рукописи. Король Людовик XIII переводил византийские трактаты. В общем, византийские древности были тогда очень популярными. Зачем философам-просветителям понадобилось в прямом смысле слова оболгать Византию, достаточно понятно. Они её использовали как жупел в своём противостоянии с тем явлением, которое в советской литературе называлось борьбой с абсолютизмом и клерикализмом. Следует учесть, что влияние этих людей на умы просвещённой Европы было колоссальным, оно распространялось на все страны европейской культуры, в том числе и на Россию. Теперь мы знаем, что идеями Монтескье и Вольтера увлекалась Екатерина II, да и многие влиятельные и мыслящие люди в России того времени. Собственно, они создали существующий до сих пор стереотип о некой недоевропейской, варварской и коварной Византии, которая стала олицетворением всего того, от чего «правильная» Европа должна избавиться.

А теперь давайте посмотрим, как представлены византийские сюжеты в современных российских СМИ, и убедимся, что примерно девять из десяти упоминаний Византии связаны с теми или иными негативными коннотациями. При этом чудовищно искажаются общеизвестные исторические факты. Например, нам говорят об отсталости византийского общества, но мы знаем, что уровень просвещения и культуры Византии, по крайней мере до XIII века, был на несколько порядков выше, чем в современной ей варварской Западной Европе. На её столицу Константинополь смотрели с непередаваемым восхищением и восторгом западные путешественники и паломники. До нас дошли описания этого сказочно прекрасного города, принадлежавшие авторам отнюдь не провизантийских взглядов и никак не симпатизирующих, например, идее Империи. Константинопольские храмы и дворцы были выложены мрамором, столица утопала в садах. Существовало развитое го-

родское управление, следившее за чистотой и порядком. При этом Константинополь был многонациональным городом, в нём сосуществовали представители многих христианских конфессий, народов, религий. Современные историки приводят многочисленные свидетельства удивительной толерантности этого общества в контексте средневековых нравов. Даже с точки зрения наших стандартов это был невероятный уровень цивилизации, по сравнению с Константинополем в эпоху своего расцвета современный Стамбул выглядит не очень ухоженным поселением.

Попутно хочу рассказать о замечательной книге, недавно вышедшей в русском переводе и принадлежащей перу одного из крупнейших византологов современности, английскому историку, профессору лондонского Королевского колледжа Джудит Херрин «Византия. Удивительная жизнь средневековой империи». Так вот, автор этой книги разрушает базовые основы антивизантийского мифа и раскрывает такие аспекты жизни византийцев, о которых мы не имели представления. Одной из особенностей этой удивительной империи, как она пишет, была весомая роль женщин в общественной жизни Византии и в её культуре. Не говорю уже о высочайшем уровне образования, которым славились византийцы-ромеи.

— Да, в первой половине V века в Константинополе был основан университет императором Феодосием II, получившим у современников прозвище «каллиграф» за любовь к переписыванию книг. Наверное, это было первое высшее учебное заведение в Европе.

— Вы знаете, наличие высшей школы не так показательно для оценки уровня образованности того или иного общества. Говоря о византийской образованности, я имею в виду базовое образование, которое в Константинополе получали практически все, то есть подавляющее большинство городского населения, включая ремесленников, мелких торговцев. Такое обучение не было особо длительным, оно занимало несколько лет, но мы знаем точно, что в своеобразную «обязательную программу» входило знание о Платоне и Аристотеле, изучение древнегреческой драматургии — Еврипида, Софокла, ученики читали Плуларха. И

это помимо естественного и обязательного для христианской Империи религиозного образования. И заметьте: оно было доступно не только для элиты, которая группировалась в университетах, придворных кругах, монастырях. Такая массовая грамотность была характерна для всей восточнохристианской цивилизации — вспомним окраину огромного византийского мира, а именно наш Великий Новгород.

— А второй миф о Византии? О нём, я думаю, известно меньше.

— Почему? Он сегодня существует на разных уровнях. Это сусально-позолоченный миф о Византии, и он почти так же далёк от реальности, как и первый, негативный.

— Какие идеи и образы характеризуют этот миф?

— Собственно говоря, идеи берутся те же самые, в каком-то смысле принимается западный вызов, но с другим знаком: минус становится плюсом.

Утверждается, что Византия — это разновидность восточной деспотии, что принцип авторитарной державности пронизывает сверху донизу весь государственный организм Империи, основанный на отрицании «ложных и чуждых» нам демократических принципов и т.д. И эти факторы порождают особую, альтернативную модель по отношению к западно-европейской цивилизации, и что самое важное — эту модель мы должны сохранить и развивать.

По моему мнению, подобные представления появляются как ответ на негативный антивизантийский миф. Они начинают формироваться в XVIII веке, но окончательно отливаются в устойчивые формулы в первой половине XIX века. Мы видим, как сталкиваются эти два мифа в эпоху Чаадаева. В то время русское самодержавие поднимает византийское знамя и объявляет себя наследником этой империи, но только в одном отношении — с точки зрения её так сказать «имперскости». Чаадаев нападает на византийское наследие именно с позиций Монтескье, иногда почти буквально повторяя его мысли и аргументацию, но борется Чаадаев не столько с реальной исторической Византией, сколько с современным ему российским самодержавием Николая I.

— Можно ли так сказать: понимание и интерпретация византийского наследия преврати-

Византийские сюжеты в современных российских СМИ, как правило, связаны с теми или иными негативными коннотациями. При этом чудовищно искажаются общеизвестные исторические факты.

лись в столкновение и борьбу неких идеологем, а не представлений о подлинной Византии?

— Да, это была борьба, где превалировала чистая политика и где не присутствовало никаких духовно-культурных смыслов, которые, на самом деле, в понимании Византии и являются самыми важными. И здесь интересно, насколько эти картинки (как со знаком плюс, так и со знаком минус) не соответствуют исторической правде. Вот пример из последних исследований в мировой византистике. Сознательно беру западные работы. Недавно вышло яркое исследование американского профессора Энтони Калделлиса, грека по своим корням, «Византийская республика». Основываясь на источниках и на проверенных фактах, он показывает, что Византия была прямой наследницей античного Рима практически без всяких изменений: в Империи существовали и работали все римские республиканские институты, существовала до определённой степени выборность власти.

В целом же, представление о Византии как восточной деспотии абсолютно не стыкуется с исторической реальностью.

И ещё один вызов нашему современному образованию: к Византии вообще неприменимо понятие о Средних веках.

— Нас же учат, что Средние века — это некий тысячелетний провал в европейской истории, а потом началось Возрождение...

— Да, вот была прекрасная античность, а потом пришли варвары, погрузили её во мрак, затем эта прекрасная античность возродилась, и в результате возникла правильная новоевропейская цивилизация. Но в Византии пресловутых Средних веков не было совсем, потому что шло естественное развитие Римской империи. И поэтому в современной византийской науке многие авторы как раз и пытаются отказаться от самого термина «Византия», полагая, что его придумали в XV веке и что надо говорить о Восточной римской империи. Но большинство исследователей считают, что слово и понятие «Византия» вполне адекватные, особенно когда мы говорим о дочерних культурах, возникших вокруг Византии — о «Византийском сообществе народов» (Byzantine Commonwealth), как его назвал выдающийся британский историк и русский князь Дмитрий Оболенский.

— В число этих дочерних цивилизаций, видимо, надо включить и Древнюю Русь, ставшую наследницей Византии?

— Вот ещё пример одного из мифов о Византии как образце абсолютной власти и идеального самодержавия. Российское самодержавие очень хотело подражать византийским образцам, прежде всего поведению и культурно-социальному статусу византийского императора, но именно эти черты и не были унаследованы русскими царями. Например, когда мы читаем описание церемониала торжественного входа византийского императора в Софию Константинопольскую, то одним из центральных моментов этого значительнейшего события в жизни Византии было публичное покаяние императора перед входом в церковь. Вообще же, тема покаяния императора как человека

Российское самодержавие очень хотело подражать византийским образцам, прежде всего поведению и культурно-социальному статусу византийского императора, но именно эти черты и не были унаследованы русскими царями.

для Византии принципиальна. На византийских портретах император в одной руке держит державу, а во второй мешочек с прахом (так называемую *акакию*), напоминая о том, что он прах земной и что его время преходяще. Да, он как император был зримой персонификацией власти Небесного владыки, своего рода иконой Космократора, а как человек он не должен был забывать о бренности своего существа, и более чем любой из его поданных находится в христианском смиреннии и покаянии.

Кроме того, если мы вникнем в императорские указы, то увидим, что красной линией в них проходит мысль, что бедные слои должны быть защищены от произвола тех людей, которые имеют над ними ту или иную власть. То есть император провозглашал себя не лидером правящей элиты, а представителем и защитником народа (по крайней мере, в идеале) перед лицом власти имущих.

А что делали русские цари и самодержцы? Они так или иначе обеспечивали власть элиты и её привилегии. Это факт. Может быть, они и думали о народе, но условия существования заставляли их действовать по-другому. Мы помним, до какого года в России сохранялось крепостное право, и мы можем ещё раз поклониться мужеству и величию царя-освободителя Александра II, решившегося сломать эту порочную модель общественного устройства. Это только один из примеров. Между прочим, тот невероятный, почти мистический культ царя, существовавший в России, был связан

именно с византийским представлением о роли императора-защитника.

— Как вы полагаете, Византия просто продолжила традиции римской государственности? И не привнесла в них ничего принципиально нового?

— Византия создала свою традицию, но на древнеримской основе. Несомненно, мы можем говорить об особой и неповторимой византийской цивилизации и даже о большом *византийском стиле* в масштабах мировой истории. Его мы сразу узнаём.

— То есть это великая культура наравне с древнеегипетской, древнеиранской, древнеримской?..

— Понимаете, Византия создала свою духовно-культурную матрицу. Меня часто спрашивают по поводу зависимости Византии от римских государственных институций и прочего, а я даю парадоксальный ответ: империя и все её институции с исторической точки зрения самое неинтересное, что было в Византии, потому что это в значительной степени было унаследовано от Древнего Рима. А принципиально новым — была её культурно-духовная и художественная матрица, и это имеет колоссальное значение. Именно эту матрицу нам предстоит понять и использовать её смыслы в современной культуре, потому что, по моему убеждению, все попытки политической реставрации Византийской империи, как показывает опыт, обречены на провал.

Мы часто не задумываемся о том, что для успешного развития экономики духовные смыслы не менее важны, чем для литературы или художественной жизни. Но в новой европейской модели принято всё разделять на объекты материальные и духовные. В Византии таких разделений практически не было. Там мир воспринимался как некое единство, которое манифестировалось в самых разных формах.

— Вы говорите о некой византийской матрице. А что её характеризует?

— Речь идёт о создании особых сакральных пространств, рассматриваемых как особая форма человеческого творчества, которое можно поставить в один ряд с творчеством литературным, изобразительным, музыкальным и т.д. Но для этой формы духовно-художественного творчества не нашлось понятия и места в той схеме искусств и гуманитарных дисциплин, которая была сформирована в новоевропейском просветительско-позитивистском контексте, как и вся схема наших наук. Вот эту ба-

зовую схему необходимо пересмотреть, потому что она не позволяет понять многих явлений, с которыми мы сталкиваемся повседневно. В своих работах я попытался показать, что речь идёт не о какой-то частности или маргинальном событии, а о базовой форме творчества. В тот момент, когда человек осознаёт себя духовным существом, он пытается установить каналы связи с иной реальностью, которую можно назвать *высшим миром*. Религиозный человек скажет — с Богом. Это широкое и всеобъемлющее явление. Вообще говоря, все мы в той или иной форме занимаемся иеротопией, мы неосознанно пытаемся сакрализовать среду своего обитания. Например, размещаем в жилищах фотографии наших предков, родителей. Ведь это некая попытка внедрения в повседневную реальность элементов иного мира. А в Византии всё это происходило осознанно.

Во всех средневековых, да и не только средневековых, религиозных традициях иеротопия, понимаемая как деятельность по созданию особых сакральных пространств, была основополагающей. Всё это, бесспорно, относится и к России. Вспомним поразительные сакральные ландшафты подмосковного Нового Иерусалима, которые создают образ Святой земли, или внутреннее пространство в каждой православной церкви, где есть образ Небесного Иерусалима, причём не представленный в виде картинки, а созданный внутри храма совокупностью самых разных медийных форм: архитектурой, изображениями, драматургией света, запахами, действиями священнослужителей.

И в результате в сознании верующего, присутствующего в храме, возникает образ Царства Небесного. Он как бы оказывается внутри своего рода *пространственной иконы*, находящейся на границе между небом и землёй. Это и есть иеротопия, которая, кстати, в каждом храме уникальна.

В Византии и в других обществах «византийского круга» таким был, если говорить современным языком, основной канал коммуникации, которым мы теперь не владеем, потому что многое в нашем сознании было искажено через привнесение инородных матриц, связанных с новоевропейской цивилизацией.

Мы не отдаём себе отчёта, насколько иеротопична была, например, жизнь русского народа до эпохи Петра I. Приведу один пример, подтверждающийся историческими источниками: внутреннее убранство русских храмов выглядело в XVII веке совсем иначе, чем сейчас. Это отличие заключалось в присутствии важнейшего элемента сакрального пространства — тканей. Храм внутри был весь убран тканями, менявшимися в течение литургического года. Смысл такого убранства в том, что храм — это образ скинии, первохрама-шатра древ-

них евреев, и эта традиция идёт с первых веков христианства. Это тоже пример иеротопии. Самые разные ткани, завесы, покровы активизировали пространственную составляющую храмового убранства, создавали целостное восприятие этого пространства. В конце XVII века указами Петра I русские храмы были освобождены от этого убранства. В современном православном храме мы рассматриваем на стенах серию повествовательных картин в виде настенных росписей, но это не стыкуется с древнерусской реальностью.

Собственно говоря, иеротопия позволяет создать целую систему понятий, дающую возможность исследовать те явления, которые находились вне поля зрения исследователей. Например, достаточно очевидный факт, на который почему-то не обращали внимания: *все* произведения религиозного искусства изначально возникали как элемент определённого сакрального пространства и должны были «работать» внутри этого пространства.

В большинстве случаев мы этой составляющей даже не интересуемся, потому что наше внимание сосредоточено на конкретных предметах, артефактах, на их, так сказать, музейном бытовании. Кроме того, мы потеряли в истории древнерусского искусства целую плеяду великих художников, которые создавали эти сакральные пространства. Например, патриарх Никон отнюдь не был обычным заказчиком неких больших строительных проектов. Он был выдающимся художником, мыслившим пространственными образами, и в соответствии с ними была создана новая Святая земля, воплотившаяся в комплексе Воскресенского монастыря в Новом Иерусалиме. Иератическими художниками были князь Андрей Боголюбский и св. Серафим Саровский. Мы видим, как сейчас с помощью иеротопии открылось новое поле для самых разных исследований, которые раньше не попадали в контекст традиционной новоевропейской науки.

— Последняя тема в нашей беседе, которую мне хотелось бы затронуть, — Византия и современное историческое образование. Как известно, сейчас разработана новая школьная концепция по всеобщей истории. Насколько я знаю, в этой концепции господствующей остаётся прежняя схема в отношении изучения Средних веков. В центре внимания находится западноевропейский ареал, а Византия по-прежнему отодвинута на задворки учебного курса. Как вы прокомментируете такое положение?

— Могу ответить на ваш вопрос коротко: это катастрофа. Уровень знаний о Византии даже гуманитарно образованного человека в современной России стремится к нулю. Что может он узнать из

школьной программы? Немного: сведения о Четвёртом крестовом походе, о византийской деспотии и т.д. А современное российское кино? В фильмах о начале Руси обязательно появляется какой-нибудь мерзкий византиец, который всё время интригует и делает гадости... И это всё! Выясняется, что про индийскую йогу, или японскую чайную церемонию, или китайский фэншуй современный школьник знает гораздо больше, чем о византийском наследии, лежащим в основе его национальной культуры. И то, что на истфаках российских вузов до сих пор не читаются базовые курсы по истории Византии, на мой взгляд, просто позор. К сожалению, так обстоят дела и в Московском университете.

— Но главы, излагающие византийскую историю, входят составной частью в университетский курс по Средним векам.

— Да, это так. Но получается, что византийская история — это некое приложение к западноевропейской традиции. Но речь ведь идёт о другом. Для того чтобы нормально общаться с современной западной цивилизацией, необходимо признать очевидный исторический факт: в Европе существовало две ветви христианской культуры — западноевропейская и византийская. Обе они основаны на синтезе античной культуры и христианских ценностей. Но Византия этот синтез осуществила абсолютно естественно, без каких-либо разрывов, «тёмных веков» и т.д. Мы не будем спорить о том, кто из нас более «европейский». Ясно одно, что византийская традиция ничуть не менее европейская, чем западная, и она не является чем-то вторичным или находящимся под тем или иным чуждым влиянием. Собственно говоря, если в сознании современных людей совершится признание этого естественного восточнохристианского своеобразия, то возникнет поле взаимного уважения и равноправного диалога. Это имеет значимый выход не только на области культурного и образовательного обмена, но и на современную политику. И самое важное: у нас появится возможность понять, кто мы такие. Мы — *византийские европейцы*. Здесь существуют оба понятия, потому что мы разделяем базовые европейские ценности, но у нас есть своя традиция и свой способ восприятия мира, своё, если хотите, *иконическое сознание*. Так что существует настоятельная необходимость в создании программы византийского образования, по возможности, максимально неполитизированной, ориентированной на духовно-культурные и художественные ценности и связанной с осознанием национальной идентичности.